

Франсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛД
(1896–1940)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Фрэнсис Скотт
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Ночь нежна

Роман. Рассказы

Москва

ЭКСМО
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Ф 66

F. Scott Fitzgerald
TENDER IS THE NIGHT

Перевод с английского

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

Фицджеральд Ф. С.

Ф 66 Ночь нежна : роман, рассказы / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. Е. Д. Калашниковой, Т. А. Озерской, И. М. Бернштейн, И. Архангельской, В. Хинкиса, Л. Г. Беспаловой, А. Кистяковского, М. И. Кан]. — М. : Эксмо, 2015. — 608 с. — (Зарубежная классика).

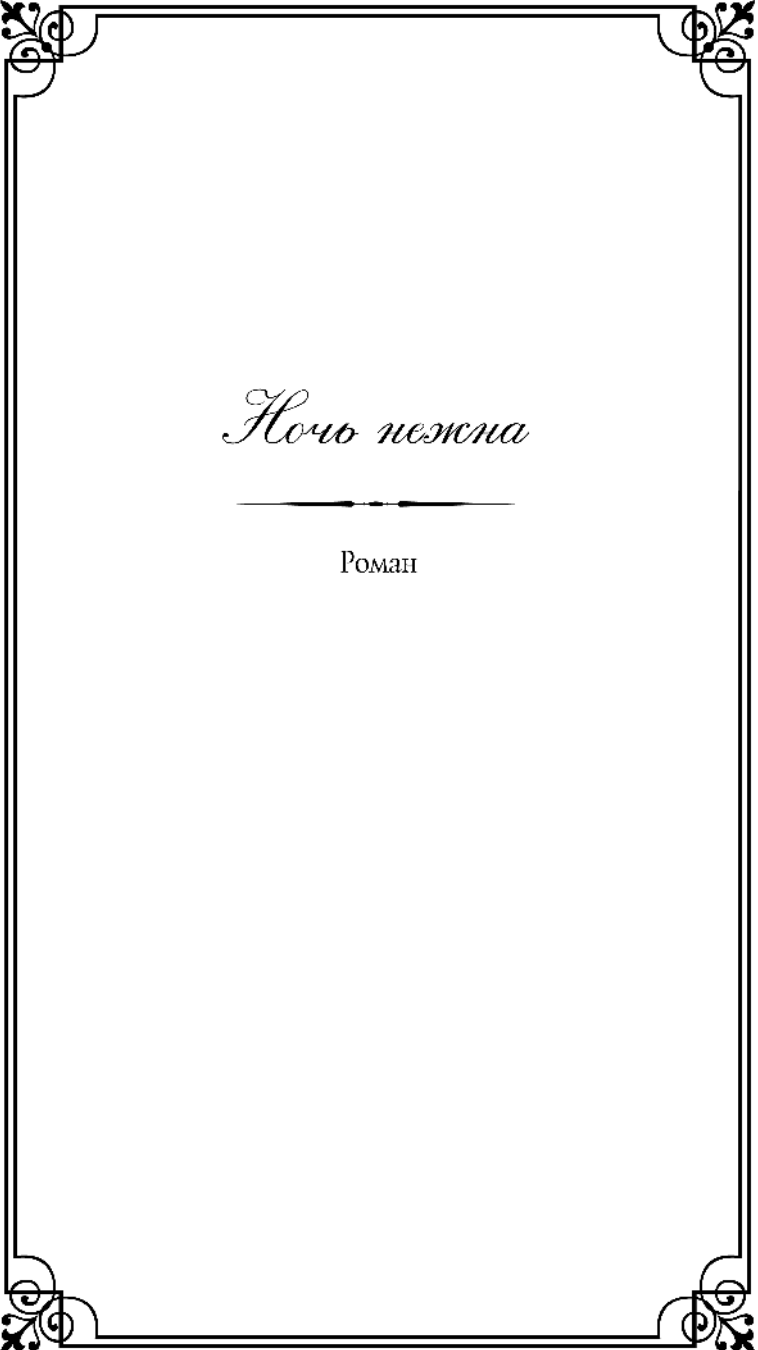
ISBN 978-5-699-62920-6

«Ночь нежна» — один из самых сильных и глубоких романов Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, трагическая история талантливого врача-психиатра Дика Дайвера и его жены Николь, история любви, страданий, стремления сохранить брак, творческой и моральной деградации, происходящей в сверкающем, веселящемся и праздном мире «очень богатых людей». В книгу также вошли несколько блистательных рассказов писателя о «веке джаза».

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

- © Архангельская И., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Беспалова Л., перевод на русский язык, 2015
- © Бернштейн И., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Калашникова Е., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Кан М., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Кистяковский А., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Озерская Т., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Хинкис В., перевод на русский язык. Наследники, 2015
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-62920-6

Ночь нежна

Роман

КНИГА ПЕРВАЯ

И я уже с тобой. Как ночь нежна!

.....
Но здесь темно, и только звезд лучи
Сквозь мрак листвы, как вздох зефиров робкий,
То здесь, то там скользят по мшистой тропке.

Дж. Китс. Ода к соловью

I

В одном приятном уголке Французской Ривьеры, на полпути от Марселя к итальянской границе, красуется большой розовый отель. Пальмы услужливо притеняют его пышущий жаром фасад, перед которым лежит полоска ослепительно яркого пляжа. За последние годы многие светские и иные знаменитости облюбовали это место в качестве летнего курорта; но лет десять назад жизнь здесь почти замирала с апреля, когда постоянная английская клиентура откочевывала на север. Теперь вокруг «Hôtel des Etrangers» Госса теснятся много современных построек, но к началу нашего рассказа лишь с десятка стареньких вилл вянущими кувшинками белели в кущах сосен, что тянутся на пять миль, до самого Канна.

Отель и охряный молитвенный коврик пляжа перед ним составляли одно целое. Ранним утром взошедшее солнце опрокидывало в море далекие улицы Канна, розоватые и кремовые стены древних укреплений, лиловые вершины Альп, за которыми была Италия, и все это лежало на воде, дробясь и колеблясь, когда от покачивания водорослей близ отмели набегала рябь. В восьмом часу появлялся на пляже мужчина в синем купальном халате; сняв халат, он долго собирался с духом, кряхтел, охал, смачивал не прогретшейся еще водой отдельные части своей особы и наконец решался ровно на минуту окунуться. После его ухода пляж около часу оставался пустым. Вдоль горизонта

ползло на запад торговое судно; во дворе отеля перекрикивались судомойки; на деревьях подсыхала роса. Еще час, и воздух оглашался автомобильными гудками с шоссе, которое петляло в невысоких Маврских горах, отделяющих побережье от Прованса, от настоящей Франции.

В миле к северу, там, где сосны уступают место запыленным тополям, есть железнодорожный полустанок, и с этого полустанка в одно июньское утро 1925 года небольшой открытый автомобиль вез к отелю Госса двух женщин, мать и дочь. Лицо матери было еще красиво той блеклой красотой, которая вот-вот исчезнет под сетью багровых прожилок; взгляд был спокойный, но в то же время живой и внимательный. Однако всякий поспешил бы перевести глаза на дочь, привороженный розовостью ее ладоней, ее щек, будто освещенных изнутри, как бывает у ребенка, раскрасневшегося после вечернего купанья. Покатый лоб мягко закруглялся кверху, и волосы, обрамлявшие его, вдруг рассыпались волнами, локонами, завитками пепельно-золотистого оттенка. Глаза, большие, яркие, ясные, влажно сияли, румянец был природный — это под самой кожей пульсировала кровь, нагнетаемая ударами молодого крепкого сердца. Вся она трепетала, казалось, на последней грани детства: без малого восемнадцать — уже почти расцвела, но еще в утренней росе.

Когда внизу засинело море, слитое с небом в одну раскаленную полосу, мать сказала:

— Я почему-то думаю, что нам не понравится здесь.

— По-моему, уже вообще пора домой, — отозвалась дочь.

Они говорили без раздражения, но чувствовалось, что их никуда особенно не тянет и они томятся от этого — тем более что ехать куда попало все же не хочется. Искать развлечений их побуждала не потребность подстегнуть усталые нервы, но жадность школьников, которые, успешно закончив год, считают, что заслужили веселые каникулы.

— Дня три пробудем, а потом домой. Я сразу же закажу по телеграфу каюту.

Переговоры о номере в отеле вела дочь; она свободно говорила по-французски, но в самой безупречности ее ре-

чи было что-то заученное. Когда они водворились в больших светлых комнатах на первом этаже, девушка подошла к стеклянной двери, сквозь которую палило солнце, и, переступив порог, очутилась на каменной веранде, опоясывавшей здание. У нее была осанка балерины; она несла свое тело легко и прямо, при каждом шаге не оседая книзу, но словно вытягиваясь вверх. Ее тень, совсем коротенькая под отвесными лучами, лежала у ее ног; на миг она попятилась — от горячего света больно стало глазам. В полусотне ярдов плескалось Средиземное море, понемногу отдавая беспощадному солнцу свою синеву; у самой балюстрады пекся на подъездной аллее выцветший «Бьюик».

Все кругом словно замерло, только на пляже шла хлопотливая жизнь. Три английские нянюшки, углубясь в пересуды, монотонные, как причитания, вязали носки и свитеры викторианским узором, модным в сороковые, в шестидесятые, в восьмидесятые годы; ближе к воде под большими зонтами расположились с десятков мужчин и дам, а с десятков их отпрысков гонялись по мелководью за стайками испуганных рыб или же лежали на песке, подставив солнцу голые, глянцевитые от кокосового масла тела.

Розмэри не успела выйти на пляж, как мимо нее промчался мальчуган лет двенадцати и с ликующим гиканьем врзался в воду. Под перекрестным огнем испытующих взглядов она сбросила халат и последовала его примеру. Проплыв несколько ярдов, она почувствовала, что задевает дно, стала на ноги и пошла, с усилием преодолевая бедрами сопротивление воды. Дойдя до места, где ей было по плечи, она оглянулась; лысый мужчина в трусиках и с моноклем, выпятив волосатую грудь и втянув нахально выглядывающий из трусиков пуп, внимательно смотрел на нее с берега. Встретив ее ответный взгляд, мужчина выронил монокль, который тут же исчез в курчавых зарослях на его груди, и налил себе из фляжки стаканчик чего-то.

Розмэри опустила лицо в воду и быстрым кролем поплыла к плоту. Вода подхватила ее, любовно спрятала от жары, просачиваясь в волосы, забираясь во все складочки тела. Розмэри нежилась в ней, барахталась, кружилась на месте. Наконец, запыхавшаяся от этой возни, она добра-

лась до плота, но какая-то дочерна загорелая женщина с очень белыми зубами встретила ее любопытным взглядом, и Розмэри, внезапно осознав собственную белесую наготу, перевернулась на спину, и волны понесли ее к берегу. Как только она вышла из воды, с ней сейчас же заговорил волосатый мужчина с фляжкой.

— Имейте в виду, дальше плота заплывать нельзя — там могут быть акулы. — Национальность его трудно было определить, но по-английски он говорил, слегка растягивая слова на оксфордский манер. — Вчера только они сожрали двух моряков с флотилии, которая стоит в Гольф-Жуан.

— Боже мой! — воскликнула Розмэри.

— Они охотятся за отбросами, знают, что вокруг флотилии всегда есть чем поживиться.

Сделав стеклянные глаза в доказательство того, что заговорил лишь из желания предостеречь ее, он отступил на два крошечных шажка и налил себе еще стаканчик.

Приятно смущенная приливом общего внимания, который она ощутила во время этого разговора, Розмэри оглянулась в поисках места. По-видимому, каждое семейство считало своей собственностью клочок пляжа вокруг зонта, под которым оно расположилось; кроме того, от зонта к зонту летели замечания, шутки, время от времени кто-нибудь вставал и переходил к соседям — словом, тут царил дух замкнутого сообщества, вторгнуться в которое было бы неделикатным. Чуть подалее, там, где берег усеян был галькой и обрывками засохших водорослей, Розмэри заметила группу людей с кожей, еще не тронутой загаром, как и у нее самой. Вместо огромных пляжных зонтов они укрывались под обыкновенными зонтиками и выглядели новичками на этом берегу. Розмэри отыскала свободное местечко посередине между темнокожими и светлокожими, разостлала на песке свой халат и улеглась.

Сперва она только улавливала неясный гул голосов, слышала скрип шагов, огибавших ее распростертое тело, да по мельканию теней угадывала, когда кто-то, проходя, на миг загораживал солнце. Какой-то любопытный пес обдал ей шею теплым, частым дыханием; от горячего солнца уже саднило кожу, а над ухом звучало тихое, утомленное «оxxx» отползающих волн. Мало-помалу она стала раз-

личать отдельные голоса и даже выслушала целую историю о том, как некто, презрительно названный «этот тип Норт», вчера похитил официанта в одном каннском кафе, чтобы распилить его надвое. Рассказчица была седая особа в вечернем туалете; она, видимо, не успела переодеться после вчерашнего вечера: волосы ее украшала диадема, а с плеча уныло свешивался увядший цветок. Охваченная безотчетной антипатией к ней и ее спутникам, Розмэри повернулась к ним спиной.

С другой стороны, совсем неподалеку, лежала под зонтом молодая женщина, что-то выписывавшая из раскрытой на песке книги. Она спустила с плеч лямки купального костюма, и ее обнаженная спина блестела на солнце; нитка матового жемчуга оттеняла ровный апельсинно-коричневый загар. В красивом лице было что-то жесткое и в то же время беспомощное. Ее глаза безразлично скользнули по Розмэри. Рядом сидел стройный мужчина в жокейской шапочке и трусиках в красную полоску; дальше та белокубая женщина, которую Розмэри заметила на плоту; она сразу увидела Розмэри и, как видно, узнала. Еще дальше — мужчина в синих трусиках, с длинным лицом и открытой солнцу львиной гривой был занят оживленной беседой с молодым человеком явно романского происхождения в черных трусиках; разговаривая, они перебирали песок, выдергивая кусочки засохших водорослей. Почти все они были, видимо, американцы, но что-то отличало их от тех американцев, с которыми ей приходилось в последнее время встречаться.

Немного спустя ей стало ясно, что человек в жокейской шапочке разыгрывает перед своей компанией какую-то комическую сценку; он с важным видом разгребал граблями песок и при этом говорил что-то, видимо, очень смешное и никак не вязавшееся с невозмутимо-серьезным выражением его лица. Дошло до того, что уже каждая его фраза, едва ли не каждое слово стали вызывать взрыв веселого хохота. Даже те, кто, как и Розмэри, находился слишком далеко, наставляли антеннами уши, стараясь уловить не долетавшие до них слова, и единственным человеком на всем пляже, который оставался равнодушным к происходящему, была молодая женщина с жемчугом на шее.

Она, быть может из собственнической скромности, лишь ниже склонялась над своими выписками после каждой вспышки веселья.

Прямо с неба над Розмэри раздался вдруг голос воло- сатого господина с моноклем:

— А вы здорово плаваете.

Розмэри запротестовала.

— Нет, кроме шуток. Моя фамилия Кампион. Тут есть одна дама, она вас на прошлой неделе видела в Сорренто и говорит, что знает, кто вы, и очень хотела бы с вами позна- комиться.

Розмэри, скрывая досаду, оглянулась и увидела, что все светлокожие выжидательно на нее смотрят. Она не- охотно встала и пошла к ним.

— Миссис Абрамс... Миссис Маккиско... Мистер Мак- киско... Мистер Дамфри...

— А мы знаем, кто вы, — сказала дама в вечернем туа- лете. — Вы Розмэри Хойт, я в Сорренто сразу вас узнала и спросила у портье, и мы все в восторге от вас и от вашего фильма и хотели бы знать, почему вы не в Америке и не снимаетесь еще в каком-нибудь таком же дивном фильме.

Они суетливо задвигались, освобождая ей место. Уз- навшая ее дама вопреки своей фамилии была не еврейка. Она принадлежала к породе тех «свойских старушек», ко- торые благодаря превосходному пищеварению и полной душевной глухоте остаются законсервированными на два поколения вперед.

— Нам хотелось предупредить вас, чтоб вы были поос- торожнее с солнцем, — продолжала щебетать дама, — в первый день легко обжечься, а *вам* нужно беречь свою ко- жу, но здесь все так цирлих-манирлих, на этом пляже, что мы побоялись, а вдруг вы обидитесь.

II

— Мы думали, вы, может быть, тоже участвуете в заго- воре, — сказала миссис Маккиско. Это была сокрушитель- но напористая молодая особа с хорошеньким личиком и оловянными глазами. — Тут не разберешь, кто участвует, а

кто нет. Мой муж целый час очень любезно разговаривал с одним господином, а оказалось, он один из главных участников, чуть ли не второе лицо.

— В заговоре? — недоуменно спросила Розмэри. — Разве существует какой-то заговор?

— Душенька, откуда же *нам* знать? — сказала миссис Абрамс с конвульсивным смешком, характерным для многих толстых женщин. — Мы-то, во всяком случае, не участвуем. Мы галерка.

Мистер Дамфри, белобрысый молодой человек женственного склада, вставил: «Мамаше Абрамс любой заговор нипочем», на что Кампион погрозил ему моноклею и сказал:

— Но-но, Ройял, не надо злословить.

Розмэри беспокойно поживалась, сожалея, что матери нет рядом. Эти люди были ей несимпатичны, особенно когда она невольно сравнивала их с интересной компанией в другом конце пляжа. Ее мать обладала скромным, но безошибочным светским тактом, который позволял быстро и умело выходить из затруднительных положений. А Розмэри очень легко попадала в такие положения, чему виной была сумбурная смесь французского воспитания с наложившимся позднее американским демократизмом — тем более что знаменитостью она сделалась всего лишь полгода назад.

Мистеру Маккиско, сухопарому господину лет тридцати, рыжему и в веснушках, упоминание о «заговоре» явно не нравилось. Он сидел лицом к морю и смотрел на волны, но тут, метнув быстрый взгляд на жену, повернулся к Розмэри и сердито спросил ее:

— Давно приехали?

— Сегодня только.

— А-а.

Должно быть, он счел, что этим уже дано разговору другое направление, и взглядом призвал остальных продолжать в том же духе.

— Думаете пробыть здесь все лето? — невинно спросила миссис Маккиско. — Если так, вы, вероятно, увидите, чем кончится заговор.

— Ради бога, Вайолет, довольно об этом! — взвился ее супруг. — Найди себе, ради бога, другую тему!

Миссис Маккиско склонилась к миссис Абрамс и проговорила громким шепотом:

— У него нервы.

— Никаких у меня нет нервов, — зарычал мистер Маккиско. — Вот именно, никаких.

Он явно кипятился — бурая краска расползлась по его лицу, смешав все доступные этому лицу выражения в какую-то неопределенную кашу. Смутно чувствуя это, он поднялся и пошел в воду. Жена догнала его на полпути, и Розмэри, воспользовавшись случаем, последовала за ними.

Сделав несколько шагов, мистер Маккиско шумно втянул в себя воздух, бросился вплавать и отчаянно заколотил вытянутыми руками по воде, что, по-видимому, должно было изображать плаванье кролем. Очень скоро воздуха ему не хватило, он встал на ноги и оглянулся, явно удивленный, что все еще находится в виду берега.

— С дыханием у меня не ладится. Не знаю, как правильно дышать. — Он вопросительно смотрел на Розмэри.

— Выдох делается под водой, — объяснила Розмэри. — А на каждый четвертый счет вы поднимаете голову и делаете вдох.

— Все остальное для меня пустяки, вот только дыхание. Поплывем к плоту?

На плоту, мерно покачивавшемся от движения волн, лежал человек с львиной гривой. Как только миссис Маккиско ухватилась за край настила, плот неожиданно накренился и сильно толкнул ее в плечо, но человек с львиной гривой вскочил и помог ей влезть.

— Я испугался, как бы вас не стукнуло по голове.

Голос его звучал неуверенно и даже робко; Розмэри удивило необыкновенно печальное выражение его лица, скуластого, как у индейца, с длинной верхней губой и огромными, глубоко запавшими глазами цвета темного золота. Свои слова он произнес одной стороной рта, как будто надеялся, что они дойдут до миссис Маккиско каким-то кружным путем и это умерит их силу. Минуту спустя он

прыгнул в воду, и его длинное тело, неподвижно распластавшись на волне, пошло к берегу.

Розмэри и миссис Маккиско следили за ним глазами. Когда затухла инерция толчка, он круто сложился пополам, на миг выставив из воды худые ляжки, и тотчас же исчез под водой, только пена вскипела на поверхности.

— Прекрасный пловец, — сказала Розмэри.

Миссис Маккиско откликнулась с неожиданной яростью:

— Зато дрянной музыкант. — Она повернулась к мужу, который после двух неудачных попыток кое-как вскарабкался на плот и, обретя равновесие, хотел было принять непринужденную позу, но пошатнулся и чуть не упал. — Я сказала, что Эйб Норт, может быть, и хороший пловец, но музыкант он дрянной.

— Да, да, — ворчливо согласился Маккиско. Видимо, это он определял круг мыслей своей жены и не разрешал ей особых вольностей.

— Лично я — поклонница Антейля. — Миссис Маккиско снова повернулась к Розмэри, на этот раз с некоторым вызовом. — Антейля и Джойса. У вас там, в Голливуде, возможно, и не слыхали о таких, но, к вашему сведению, мой муж — автор первой критической работы об «Улиссе», появившейся в Америке.

— Курить хочется, — сказал мистер Маккиско, — больше меня в данный момент ничто не интересует.

— У Джойса вся сила в подтексте — верно я говорю, Элберт?

Вдруг она осеклась. Невдалеке от берега купалась женщина в жемчужном колье вместе со своими двумя детьми, и в это мгновение Эйб Норт, поднырнув под одного из них, вырос из воды, точно вулканический остров, с ребенком на плечах. Малыш визжал от страха и восторга, а женщина смотрела на них без улыбки, спокойно и ласково.

— Это его жена? — спросила Розмэри.

— Нет, это миссис Дайвер. Они не в отеле живут. — Ее глаза, точно объектив фотоаппарата, целились в лицо купающейся. Потом она резко повернулась к Розмэри. — Вы бывали за границей раньше?